

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.15:81'42

¹ Чебыкина Е.С.

¹ Агентство Креативных Индустрий

Эволюция метафорических моделей репрезентации России в колумнистике The Washington Post: анализ изменения коннотативных значений

Аннотация: в статье исследуется эволюция метафорических моделей репрезентации России в колумнистике The Washington Post за период с 2000 по 2024 год. На материале 300 статей-мнений проведен комплексный анализ изменения коннотативных значений метафор с применением методов когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа. Выявлены и систематизированы основные метафорические модели ("Россия как империя", "Россия как агрессор", "Россия как нецивилизованная страна", "Россия как шахматный игрок"), прослежена их динамика на четырех исторических этапах (2000-2008, 2009-2012, 2013-2021, с 2022). Установлено постепенное увеличение доли негативно-оценочных метафорических моделей с 30% в начале периода до 80% к 2024 году. Доказана устойчивая корреляция между частотностью алармистских метафор и обострением российско-американских отношений, особенно в контексте международных кризисов (грузино-российский конфликт 2008 года, события на Украине 2014 года, начало специальной военной операции в 2022 году). Продемонстрирована роль метафорической репрезентации как активного механизма конструирования международно-политических реалий и существенного фактора, влияющего на восприятие России американским политическим классом и обществом в целом. Исследование вносит вклад в понимание механизмов медиавоздействия и манипуляции общественным сознанием через метафорическое моделирование образа другой страны, а также открывает перспективы для дальнейшего изучения роли языковых средств в международной коммуникации.

Ключевые слова: метафорическая модель, медиадискурс, The Washington Post, образ России, коннотативное значение

Для цитирования: Чебыкина Е.С. Эволюция метафорических моделей репрезентации России в колумнистике The Washington Post: анализ изменения коннотативных значений // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 62 – 74.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Chebykina E.S.

¹ Agency of Creative Industries

The evolution of metaphorical models of Russia's representation in The Washington Post Columnist: an analysis of changes in connotative meanings

Abstract: the article examines the evolution of metaphorical models of Russia's representation in The Washington Post columnist for the period from 2000 to 2024. Based on the material of 300 opinion articles, a comprehensive analysis of changes in the connotative meanings of metaphors using the methods of cognitive linguistics and critical discourse analysis was carried out. The main metaphorical models ("Russia as an empire", "Russia as an aggressor", "Russia as an uncivilized country", "Russia as a chess player") are identified and systematized, their dynamics are traced at four historical stages (2000-2008, 2009-2012, 2013-2021, since 2022). A gradual increase

in the share of negatively evaluative metaphorical models has been established from 30% at the beginning of the period to 80% by 2024. A stable correlation has been proven between the frequency of alarmist metaphors and the aggravation of Russian-American relations, especially in the context of international crises (the Georgian-Russian conflict in 2008, the events in Ukraine in 2014, the beginning of a special military operation in 2022). The role of metaphorical representation as an active mechanism for constructing international political realities and an essential factor influencing the perception of Russia by the American political class and society as a whole is demonstrated. The research contributes to understanding the mechanisms of media interaction and manipulation of public consciousness through metaphorical modeling of the image of another country, and also opens up prospects for further study of the role of linguistic means in international communication.

Keywords: *metaphorical model, media discourse, The Washington Post, image of Russia, connotative meaning*

For citation: Chebykina E.S. The evolution of metaphorical models of Russia's representation in The Washington Post Columnist: an analysis of changes in connotative meanings. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 62 – 74.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Образ страны в международном дискурсе различного формата, охватывающего экономические, социальные, политические и иные сферы, представляет собой определенный конструкт или даже нарратив – этот концепт укоренился в трудах многих исследователей (Х. Бхабха, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), которые рассматривали национальную идентичность и образ нации как социально сконструированные феномены [1]. Подобный образ может быть рассмотрен как с диахронических позиций, учитывающих его эволюцию во времени, так и с позиций структурализма, предполагающих системный анализ на синхроническом срезе. Данные подходы были очерчены в трудах таких выдающихся исследователей, как Фердинанд де Соссюр, Ролан Барт, Клод Леви-Стросс и др., заложивших основы структурной лингвистики и семиотики [4, 8].

Нередко фундаментом для конструирования образа страны служит иной образ, сформированный посредством метафорического инструментария лингвистического характера. Метафора, укорененная в самой природе человеческого мышления и языка, как подчеркивают исследователи, их «универсалия» [6, с. 166], обладает значительным потенциалом воздействия на сознание реципиента. Она не только передает информацию, но и формирует определенное отношение к ней, задает эмоциональный тон восприятия, апеллирует к воображению и ассоциативной памяти аудитории, содержит и транслирует оценочный компонент [2].

Метафора выступает одним из наиболее широко применяемых средств создания национального имиджа, поскольку она позволяет не только выразить сложные идеи и концепты в доступной форме, но и придать им желаемую эмоциональную окраску, апеллируя к воображению и ассоциативному мышлению реципиента. При этом сами метафорические модели подвергаются трансформациям не только в плане последовательной смены друг друга, но и в аспекте внутреннего качественного наполнения: один и тот же метафорический образ, даже при характерной для него универсальности, в зависимости от контекста употребления, в соответствии с «духом времени» [9, с. 213], способен приобретать различные коннотативные значения. В политической сфере метафора зачастую играет роль инструмента пропаганды, как позитивной, так и негативной направленности [3]. Однако, независимо от оценочного компонента, метафорические модели репрезентации дают возможность судить о коммуникативном аспекте взаимодействия между странами и народами. Принимая во внимание исторически сложные взаимоотношения США и России, прошедшие длительный путь противоречивого, часто контрастного развития (установление первых дипломатических контактов в 1776-1809 годах, когда Екатерина II отказалась поддержать Великобританию против американских колоний; период Российско-американской компании и освоения Аляски (1799-1867); союзничество в Первой мировой войне (1914-1917), сменившееся непризнанием СССР до 1933 года; сотрудничество во Второй мировой войне (1941-1945); противостояние в холодной войне (1946-1991); период партнерства и реформ в 1990-х годах), можно констатировать, что к современному этапу их медиакоммуникация подошла уже с определенными устоявшимися схемами репрезентации. Тем не менее, даже эти схемы претерпевают определенную эволюцию в период с 2000-х по 2020-е годы, исследование которой и является целью данной статьи.

Актуальность подобного анализа обусловлена тем, что метафорические модели, транслируемые влиятельными медиа (в случае нашего исследования – The Washington Post), не только отражают доминирующие в обществе представления и установки, но и сами активно участвуют в формировании общественного

мнения, задавая векторы интерпретации событий и явлений. Всестороннее изучение эволюции метафорических образов позволит глубже понять динамику восприятия России в американском медиадискурсе, выявить тенденции и сдвиги в репрезентации, а также спрогнозировать возможные траектории развития двусторонних отношений с учетом воздействия языковых средств на когнитивные процессы и поведенческие паттерны реципиентов. Таким образом, предлагаемое исследование, опираясь на комплексную методологию, объединяющую диахронический и структурный подходы, лингвистическую метафорологию и дискурс-анализ, ставит целью определить роль метафоры как инструмента конструирования национального имиджа и фактора, влияющего на динамику международных отношений в контексте американо-российского взаимодействия.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу настоящего исследования составили статьи-мнения (opinion columns), опубликованные в авторитетном американском издании The Washington Post в период с начала 2000-х годов по 2024 год. Выбор данного медиа в качестве основного источника материала обусловлен несколькими факторами. Во-первых, The Washington Post, основанная еще в 1877 году, является одной из старейших и наиболее влиятельных газет США, во многом определяющей информационную повестку дня и формирующей общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. Во-вторых, это издание традиционно уделяет большое внимание освещению международных событий, в том числе российско-американских отношений, привлекая к сотрудничеству ведущих экспертов, политических обозревателей, дипломатов. Фокус исследования на разделе «Opinion Columns» продиктован как историческим контекстом развития медиажурналистики в англоязычной прессе (жанр “opinion” здесь возник 50 лет назад и получил достаточное распространение [7]) спецификой данного жанра, который предоставляет авторам значительную свободу в выражении собственной позиции, интерпретации фактов и событий, использовании выразительных средств языка, включая метафору. В отличие от новостных заметок, ориентированных прежде всего на беспристрастное изложение информации, колумнистика допускает субъективность, эмоциональность, образность, что делает ее ценным источником для изучения процессов метафорического моделирования действительности.

Временные рамки исследования охватывают первую четверть XXI века – период, ознаменованный кардинальными сдвигами в системе международных отношений, трансформацией внешнеполитических доктрин и приоритетов как России, так и США, чередой кризисов и конфликтов, оказавших существенное влияние на двусторонние связи. Анализ эволюции метафорических моделей на этом турбулентном историческом фоне позволяет проследить корреляцию между реальными событиями и их отражением в медиадискурсе, выявить устойчивые паттерны и динамику репрезентации России в американском общественном сознании.

Для формирования репрезентативной выборки материала был применен целенаправленный тематический отбор, по ключевым словам, “Россия”, “российский”, “Кремль”, “Путин” с использованием встроенной поисковой системы сайта издания и базы данных LexisNexis. Из общего массива текстов были отобраны 300 статей, в наибольшей степени соответствующих исследовательским задачам. Критериями отбора выступали, во-первых, наличие развернутых метафорических контекстов, относящихся к теме исследования; во-вторых, принадлежность этих контекстов перу колумнистов и обозревателей – как более влиятельных и известных (Дэвид Игнатиус, Фарид Закария, Энн Эпплбаум, Джордж Уилл), так и менее; в-третьих, распределение отобранных текстов по периодам, позволяющее составить динамическую картину эволюции метафорических моделей.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения когнитивной теории метафоры, согласно которой метафора рассматривается не просто как риторический прием, но как базовый механизм мышления, способ концептуализации и категоризации действительности. В рамках этого подхода метафорические выражения, функционирующие в дискурсе, предстают как поверхностные манифестации глубинных когнитивных структур – метафорических моделей, представляющих собой устойчивые соответствия между областью-источником и областью-мишенью.

Процедура анализа эмпирического материала включала несколько этапов.

На первом этапе осуществлялась сплошная выборка метафорических контекстов, репрезентирующих Россию в статьях The Washington Post. При этом использовался широкий подход к трактовке метафоры, учитывающий не только собственно метафорические слова и выражения, но и другие проявления не прямой образной номинации – метонимию, сравнение, аллюзию, символ и т.д.

На втором этапе производилось обобщение и систематизация обнаруженных метафорических выражений, их группировка в рамках метафорических моделей на основе общности сферы-источника и ее отображения на сферу-мишень. Особое внимание уделялось не только номинативному аспекту метафоры (какие образы используются для репрезентации России), но и ее прагматическому потенциалу, коммуникативным

эффектам, роли в реализации стратегий убеждения и манипуляции. Для этого применялись элементы критического дискурс-анализа, предполагающего рассмотрение языковых феноменов в широком социально-политическом и идеологическом контексте, с учетом отношений власти и доминирования, находящихся выражение в дискурсивных практиках.

На третьем этапе прослеживалась динамика развития выявленных метафорических моделей на протяжении исследуемого периода, изменения в их частотности, продуктивности, эмоциональной окраске и оценочном потенциале. Это позволило составить целостное представление об эволюции метафорического образа России в американском медиадискурсе, выявить сдвиги и тенденции, обусловленные сменой политической конъюнктуры, трансформацией внешнеполитических приоритетов, влиянием резонансных событий и кризисов и др.

Наконец, на заключительном этапе осуществлялась концептуальная интерпретация полученных данных в свете положений теории концептуальной метафоры, дискурсивного анализа, имагологии, геополитики. Результаты исследования соотносились с более широкой проблематикой формирования национальных образов и стереотипов, их роли в межкультурной коммуникации и международных отношениях, механизмов медиавоздействия и манипуляции общественным сознанием.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ колумнистики The Washington Post за период с 2000 по 2024 год позволил выявить богатый спектр метафорических моделей, используемых для репрезентации России в американском медиадискурсе. Данные модели, отражающие устойчивые паттерны метафорической концептуализации российской действительности, демонстрируют значительное разнообразие как в плане сфер-источников метафорической экспансии, так и в аспекте эмоционально-оценочных коннотаций и прагматических эффектов.

Систематизация метафорических словоупотреблений по сферам-источникам позволила выделить несколько базовых моделей, пронизывающих дискурс The Washington Post на протяжении всего рассматриваемого периода. Наиболее частотной и продуктивной среди них является модель "Россия как империя". В рамках этой модели современная Россия метафорически уподобляется могущественной и агрессивной империи, стремящейся к восстановлению своего былого величия и доминированию на постсоветском пространстве и в глобальном масштабе. Данная модель находит выражение в многочисленных метафорических номинациях, актуализирующих концептуальные признаки «имперскости» – военная мощь, экспансионизм, авторитаризм, контроль над обширными территориями: «The Russian bear is getting bolder» («Русский медведь становится все смелее»), «the Kremlin's imperial ambitions» («имперские амбиции Кремля»), «Putin's neo-Soviet nostalgia» («неосоветская ностальгия Путина»), «Moscow's iron grip on its neighbors» («железная хватка Москвы на своих соседях»).

Показательно, что если в начале 2000-х годов метафора империи использовалась преимущественно для ретроспективной характеристики СССР и советской внешней политики, то в дальнейшем она все чаще проецируется на современные реалии, превращаясь в доминантную призму, сквозь которую американские обозреватели воспринимают и интерпретируют действия России на международной арене. Особенно явственно эта тенденция проявляется в контексте военных конфликтов и геополитических кризисов с участием РФ – будь то война с Грузией в 2008 г., украинские события 2014 и 2022 гг. или операция в Сирии, когда в текстах ведущих колумнистов издания начинают усиливаться метафоры неоимперского реваншизма и милитаризма: 22 сентября 2008 – «...to Moscow's violent attempts to roll back democracy, reassert its empire and control European energy resources» («...насильственные попытки Москвы подорвать демократию, восстановить свою империю и контролировать европейские энергетические ресурсы») (примечательно, что здесь издание транслирует мнение грузинского политического деятеля М. Саакашвили) [20], 5 сентября 2024 г. – «This is Ukraine's industrial heartland and a key wing of the mythic project of Novorossiya, a Russian imperialist vision for its domains by the Black Sea that dates back to the 18th century» («Это промышленно развитый регион Украины и ключевое звено мифического проекта Новороссии – российского империалистического видения своих владений на Чёрном море, которое зародилось в XVIII веке») [23].

Наиболее ярким примером реализации метафорической модели «Россия как империя» может служить цитата из материала The Washington Post за 2024 год: And in Putin's view, the most precious jewel unfairly ripped from the imperial crown is Ukraine («И, по мнению Путина, самая драгоценная жемчужина, несправедливо вырванная из имперской короны, – это Украина») [14]. В данном фрагменте метафорическая насыщенность достигается через сочетание нескольких стилистических средств: развернутой метафоры короны как символа имперской власти, образа драгоценного камня (precious jewel) как метафоры территориальной ценности, а также экспрессивного глагола ripped (вырванная), усиливающего драматизм и эмоциональную окраску высказывания. Примечательно, что подобная концентрация образных средств демон-

стрирует, как современная политическая колумнистика выходит за рамки традиционной журналистики, приближаясь к художественной прозе, где эмоциональное воздействие на читателя достигается через насыщенный литературный язык. Такая стилистическая гибридизация не только подчеркивает имперские амбиции России, но и создает яркую, эмоционально окрашенную картину насильственного распада некогда единой империи и ее текущее стремление к соединению путем насилия над другими странами.

Характерно, что метафорическая проекция имперских амбиций России распространяется в текстах *The Washington Post* не только на постсоветское пространство, но и на отдаленные регионы, традиционно находившиеся вне сферы российских интересов. Так, вмешательство РФ в сирийский конфликт на стороне правительства Б. Асада трактуется не иначе как проявление неоимперской стратегии Кремля, нацеленной на возвращение статуса сверхдержавы и расширение геополитического влияния в ключевых точках земного шара, исполнение империалистической, по словам колумниста Д. Игнатиуса, «многовековой мечты»: 8 мая 2020 г. – «Russia is likely to emerge with several important military bases in the Mediterranean, achieving a centuries-old dream» («Россия, скорее всего, получит несколько важных военных баз в Средиземноморье, осуществив многовековую мечту») [12], «The tactics Russia deploys are wide-ranging, including using military force to defeat the Western-backed opposition in Syria and waging a sophisticated propaganda war on multiple fronts. Russia even seems willing to risk armed conflict with the United States» («Тактика, которую использует Россия, разнообразна и включает в себя применение военной силы для разгрома поддерживаемой Западом оппозиции в Сирии и ведение изощренной пропагандистской войны на нескольких фронтах. Россия, похоже, даже готова рискнуть вступить в вооружённый конфликт с Соединёнными Штатами») [21]. Неслучайно в последние годы все чаще звучат алармистские прогнозы о неизбежности глобальной конфронтации между «неоимперской» Россией и «свободным миром» во главе с США – конфронтации, чреватой новым витком гонки вооружений и скатыванием к логике холодной войны. По словам Э. Эпплбаум, «In Russia, revanchism has returned» («В Россию вернулся реваншизм»). В этом контексте сама метафора империи все больше приобретает характер не аналитического инструмента, а идеологического клише, призванного легитимизировать любые, самые жесткие меры противодействия «российской угрозе».

Метафорическая милитаризация образа России тесно переплетается с другой продуктивной моделью – «Россия как агрессор». В системе координат *The Washington Post* Россия предстает как источник многочисленных угроз и вызовов международной безопасности – от прямой военной интервенции до кибератак, вмешательства в выборы, подрыва демократических институтов. Россия метафорически изображается как «a rogue state» («государство-изгой»), «a revisionist power» («ревизионистская держава»), «a predator on the prowl» («хищник в поисках добычи»), чья агрессивная политика несет миру хаос и разрушение. «Русские тоже очень заинтересованы в наших выборах, - подчёркивает колумнист Э. Эпплбаум, – ... Им почти ничего не стоит попытаться посеять страх и истерию в Соединённых Штатах» («The Russians also have a major interest in our election... <...> It costs them almost nothing to try to create fear and hysteria in the United States») – здесь не менее примечательно, что от локального вмешательства (в президентские выборы) автор в нескольких предложениях переходит к национальному (в менталитет США в целом).

Соответствующие метафорические контексты изобилуют военной лексикой и образами насилия, создающими атмосферу страха и алармизма: «the specter of Russian aggression looms over Europe» («призрак российской агрессии нависает над Европой»), «the Kremlin's belligerent behavior» («воинственное поведение Кремля»), «Moscow's war on the West» («война Москвы против Запада»), «Putin's military adventurism» («военный авантюризм Путина»). Интересен здесь и соотносимый с Россией образ «призрака» («specter», «ghost»), который, с одной стороны, воплощает тревожащее присутствие чего-то неосознанного и пугающего, а с другой – указывает на непредсказуемость и неопределенность будущих действий. Если в 1990-е годы эта метафора преимущественно использовалась для описания эфемерности и нежизнеспособности советского наследия, своеобразного «призрака коммунизма», бродящего по руинам СССР, то с середины 2000-х годов она приобретает новую коннотацию – зловещего, но вполне реального присутствия с постепенным усилением и переходом от образа с пассивными характеристиками до активных, подчеркивая, как устрашающий характер этого присутствия, так и сложность противодействия ему:

1) «Stalin's Ghost Still Haunts the World» («Призрак Сталина до сих пор бродит по миру») [10].

2) «Clinton's decision resurrects the "ghost of Yalta." That conjures up the West's World War II pact with the Soviet Union that Havel said "allowed Stalin to swallow up half of our continent and bring history there to a halt» («...Решение Клинтон воскрешает «призрак Ялты». Это напоминает о пакте Запада с Советским Союзом во время Второй мировой войны, который, по словам Гавела, «позволил Сталину поглотить половину нашего континента и остановить там ход истории»).

3) «That threat, the specter of further Russian aggression, is prompting sharp defense spending increases and a rethink of the continent's reliance on the United States and other far-flung arms suppliers» («Эта угроза, призрак дальнейшей российской агрессии, побуждает к резкому увеличению расходов на оборону и переосмыслению зависимости континента от Соединённых Штатов и других отдалённых поставщиков оружия») [17].

Характерной чертой этой модели является ее ярко выраженная негативная эмоционально-оценочная заряженность, превращающая метафору в инструмент не столько рационального анализа, сколько идеологической борьбы и манипулятивного воздействия. Демонизированный образ России как вероломного и безжалостного агрессора последовательно внедряется в массовое сознание, формируя ощущение экзистенциальной угрозы. Метафоры такого рода апеллируют напрямую к эмоциям страха и ненависти. Они подталкивают к восприятию мира в черно-белых тонах, по принципу «кто не с нами, тот против нас», исключая саму возможность диалога и компромисса с «империей зла».

Особую роль в формировании этого враждебного образа России сыграла метафорическая репрезентация украинского кризиса 2014 г. и последующих событий на Донбассе и на территории Украины в целом в 2022-2023 гг. «Гибридная война» РФ против Украины предстает на страницах The Washington Post как архетипический акт агрессии тоталитарного режима против молодой демократии, причем сама лексема «агрессия» употребляется не в международно-правовом, а именно в метафорически-эмоциональном ключе. Присоединение Крыма квалифицируется не иначе как «annexation» («аннексия»), «Anschluss» («аншлюс»), «landgrab» («захват земли»), а поддержка непризнанных республик Донбасса – как «invasion» («вторжение»), «incursion» («нарушение границы»), «aggression against a sovereign state» («агрессия против суверенного государства»).

Знаковыми в этом плане стали статьи ведущих комментаторов издания, где действия России в Крыму и на Донбассе в 2014 г. косвенно (путем риторических вопросов): «Is Vladimir Putin acting like Hitler?» («Неужели Владимир Путин ведет себя как Гитлер?»), – или посредством приема аналогии уподоблялись гитлеровской экспансии 1930-х годов (здесь подразумевается аналогичное сравнение вторжения в Крым – с захватом Чехословакии): «Having attained power in their respective societies, Hitler and Putin both set their sights on economic and military renewal and on reversing their respective nations' unjust humiliation, by force if necessary. The latter co-opted some former Soviet republics and militarily occupied others, just as Hitler marched the Wehrmacht into the Rhineland in 1936, took Czechoslovakia in 1938 – and, well, you get the idea» («Придя к власти в своих странах, Гитлер и Путин оба поставили перед собой цель экономического и военного возрождения и восстановления справедливости в отношении своих народов, при необходимости – с помощью силы. Последние присоединили к себе некоторые бывшие советские республики и оккупировали другие точно так же, как Гитлер ввёл вермахт в Рейнскую область в 1936 году, захватил Чехословакию в 1938 году – ну, вы поняли») [11].

Аналогичные формулировки, но уже значительно большие по частотности упоминания, используются и в контексте событий российско-украинского кризиса 2022-2023 гг.:

1) «Vladimir Putin's planned blitzkrieg» on Ukraine («запланированный Владимиром Путиным блицкриг на Украине»).

2) «Putin, whose lamented Soviet Union was then Hitler's ally, knows Hitler's tactics» («Путин, чьё государство, Советский Союз, было тогда союзником Гитлера, знает гитлеровскую тактику») [16].

3) «While claiming to be fighting “neo-Nazis,” Putin is creating his own fascist cult whose symbol is the letter Z» («Заявляя, что он борется с «неонацистами», Путин создаёт свой собственный фашистский культ, символом которого является буква Z») [19].

Во всех случаях проводятся прозрачные исторические параллели, призванные активировать в сознании читателя устойчивый комплекс негативных ассоциаций, связанных с идеей нацистской угрозы и необходимости ей противостоять. Тем самым Россия не просто лишается какой-либо исторической и моральной правоты в украинском конфликте – она символически исключается из категории «нормальных» государств и помещается в одну семантическую плоскость с режимами XX века. Ее действия по защите собственных интересов а priori рассматриваются как проявления агрессии и экспансионизма, требующие немедленного и решительного отпора.

Закрепление метафоры «российской агрессии» в медийном и политическом дискурсе США, как было выявлено, носит системный характер. Ухудшение отношений России и Запада в последнее десятилетие имеет под собой комплекс объективных причин геополитического, экономического, идеологического характера. Вместе с тем, роль дискурсивно-метафорических механизмов в конструировании международной напряженности не стоит недооценивать. Как показало наше исследование, доминирование конфронтационных моделей метафорической репрезентации России в медийном пространстве США способствовало легитимации и нормализации логики новой холодной войны задолго до того, как эта логика обрела практическое воплощение в санкциях, военных приготовлениях, разрыве каналов коммуникации.

Другим важным аспектом метафорического образа России в СМИ США является модель «варварской, нецивилизованной страны». Эта модель, уходящая корнями в давнюю традицию ориенталистского дискурса, противопоставляет «просвещенный» Запад и «отсталую» Россию, представляемую как чуждую нормальным ценностям демократии, прав человека, свободного рынка. В текстах ведущих обозревателей The Washington Post постсоветская Россия предстает как «a nation imprisoned by its past» («нация, плененная своим прошлым»), «a country ruled by autocracy and KGB-style thuggery» («страна, управляемая автократией и бандитизмом в стиле КГБ»), «a dying civilization, mired in petro-nationalism and great-power illusions» («умирающая цивилизация, погрязшая в нефтяном национализме и великодержавных иллюзиях»). Характерным примером построения такой метафорической репрезентации является мнение Р. Коэна, где Россия предстает не только как варвар, но и как изгой с «темным прошлым»: «Russia, it seems, may be turning its back on Europe – but not, ominously, on some of its ugly 20th-century history» («Россия, похоже, может отвернуться от Европы, но, как ни странно, не от своей мрачной истории XX века») [22]. При этом акцентируются такие негативные характеристики российского общества, как коррупция, правовой нигилизм, ксенофобия, имперские амбиции, фундаментальная неспособность к демократическому развитию. «Regime led by a KGB officer who spares no effort to whitewash and glorify the Soviet past» («Режим, возглавляемый офицером КГБ, который не жалеет сил, чтобы обелить и прославить советское прошлое») – так характеризуется «путинская Россия» на современном этапе. Этим Россия символически удаляется из категории «нормальных» государств, принадлежащих к «цивилизованному миру», и метафорически соотносится с местом «тюрьмой народов»: «Czarist Russia, which Lenin called "the prison of the peoples," is reemerging and has in Vladimir Putin an ambitious warden» («Царская Россия, которую Ленин называл «тюрьмой народов», возрождается, и у неё есть амбициозный надзиратель в лице Владимира Путина») [16].

Показательна в этом плане эволюция метафорического образа В.В. Путина на страницах The Washington Post. Если в начале своего правления российский лидер нередко изображался как прагматичный и рациональный политик, способный вывести страну из хаоса 1990-х годов («sober, reliable partner» – «трезвый, надежный партнер», «man who can fix Russia» – «человек, который может починить Россию»), то со временем этот образ приобретает все более негативно-экспрессивные черты («the new Stalin» – «новый Сталин», «a KGB thug in a business suit» – «бандит из КГБ в деловом костюме», «a cold-blooded killer» – «хладнокровный убийца»). Метафора «Путин как воплощение авторитаризма» становится доминирующей призмой, формирующей не только негативное восприятие российского лидера, но и всей возглавляемой им политической системы. В одной из редакционных статей The Washington Post нами было выявлено метафорическое сравнение современной России с «путинократией» (Putinocracy) – политический неологизм, обозначающий своего рода гибрид авторитаризма, клептократии и милитаризма, якобы несовместимый с ценностями демократического мира. В риторике издания особенно показательна эта тенденция к экстраполяции образа Путина на всю российскую политическую систему и общество в целом. Характерным примером служит высказывание о предстоящих на тот момент выборах в 2024 г. в России: «Barbarism is on the ballot this year» («В этом году в бюллетенях для голосования есть пункт о варварстве»), где через метафору «варварства» не просто критикуется конкретный политический лидер, но стигматизируется весь электоральный процесс и, шире, политическая культура России. Примечательно, что такая генерализация создает искаженную картину российской действительности, где поддержка действующего президента (например, она составила 87,3% по итогам 2024 года) интерпретируется не как проявление сложных внутривнутриполитических процессов, а как свидетельство общего «варварского» состояния политической системы [15].

Характерно, что метафорическая модель «Россия как нецивилизованная страна» обнаруживает высокую степень устойчивости на протяжении всего рассматриваемого периода, будучи в меньшей степени подвержена влиянию ситуативных факторов. Ни «перезагрузка» отношений при администрации Б. Обамы, ни успешное проведение в России Олимпиады, чемпионата мира по футболу и других имиджевых мероприятий, ни отдельные прорывные достижения РФ в сфере экономики, науки, культуры, практически не утвердили ни одной метафорической модели с позитивной коннотацией.

Наиболее отчетливо ориенталистский характер модели проявился в контексте украинского кризиса 2014 года, последовавшей за ним конфронтации России с США и ЕС и особенно в контексте начала Россией специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022-2023 гг. Жесткая реакция Запада на присоединение Крыма и действия РФ в Донбассе и на территории Украины в целом, беспрецедентное санкционное давление со стороны западных стран в текстах ведущих обозревателей The Washington Post преподносится не просто как закономерный ответ на нарушение Москвой международного права, но как проявление естественной реакции «цивилизованного мира» на агрессию со стороны «варварской» России. Характерны в этом плане метафорические номинации типа «Russia's savage disregard for human rights» («дикое пренебрежение России к

правам человека»), «Russian barbarism in Ukraine» («русское варварство в Украине») и т.п. Метафорическая модель «Россия как нецивилизованная страна» во многом здесь соотносится с фигурой Путина как с тем, кто инициировал и продолжает «военное варварство» («military barbarism») [15].

Тем самым конфликт России с Западом из плоскости борьбы конкретных интересов переводится в цивилизационное измерение, становится новым раундом противостояния «либерального порядка» и «авторитарных сил». Сама Россия воспринимается уже не в качестве рационального игрока, преследующего собственные цели, пусть и противоречащие интересам США, а как олицетворение Хаоса и Варварства, несущее угрозу всей системе западных либерально-демократических ценностей. Подобная метафорическая репрезентация де-факто легитимирует любые, даже самые жесткие меры, направленные на изоляцию и «сдерживание» России. Санкции, военное давление, информационные атаки – все это подается как естественная защитная реакция цивилизации на вызов со стороны архаичных, деструктивных сил.

Вместе с тем, наряду с однозначно негативными моделями репрезентации, в дискурсе The Washington Post присутствуют и другие, более амбивалентные и неоднозначные образы России. Одним из них является метафора «шахматного игрока», отображающая Россию как искушенного, умного и дальновидного геополитического актора. В рамках этой модели Путин предстает как «a chess master» («мастер шахмат»), «a strategic genius» («стратегический гений»), «a tactician, able to outmaneuver his opponents» («тактик, способный переиграть своих оппонентов»).

Соответствующие метафорические контексты акцентируют такие качества российского лидера и руководства страны, как хладнокровие, расчетливость, умение выстраивать многоходовые комбинации и просчитывать ситуацию на несколько шагов вперед. Весьма показательны в этом плане метафоры, используемые для описания российской политики в Сирии («Moscow's bold gambit» – «смелый гамбит Москвы», «Putin's endgame» – «эндшпиль Путина»), российского вмешательства в американские выборы 2016 г. («the Kremlin's opening move» – «дебютный ход Кремля»), российской политики 2014-2021 гг. на территории Донбасса («Ukraine gambit» – «украинский гамбит»). Приведем некоторые из последних, участившихся в период 2022-2024 гг., ярких примеров: «Putin as chess master: Strong opening but weak endgame in Ukraine» («Путин как шахматный мастер: Сильный дебют, но слабый эндшпиль в Украине») [13].

Во всех этих случаях действия России имплицитно уподобляются искусным шахматным комбинациям, ставящим США и их союзников в крайне невыгодное положение. Образ В.В. Путина здесь – образ хладнокровного и расчетливого игрока, умело использующего слабости и просчеты оппонента, хотя и способного ошибиться, но упорно, стратегически и любой ценой идущего к достижению собственных целей, тогда как администрации западных стран нередко представляются как неумелые, наивные, но и менее агрессивные, геополитические игроки – «Despite its commitment to supporting Ukraine, the White House continues to move with agonizing, bureaucratic caution on this vital matter» («Несмотря на приверженность поддержке Украины, Белый дом продолжает действовать с мучительной бюрократической осторожностью») [18].

Вместе с тем, при всей внешней комплиментарности метафорического фрейма «шахматной игры», он несет в себе значительный негативный потенциал в контексте репрезентации России. В самом уподоблении международной политики шахматной партии имплицитно содержится идея конфронтационности, игры с нулевой суммой, неизбежности поражения одной из сторон. Россия предстает здесь не как партнер, но как опасный и хитроумный соперник. Более того, в колумнистике Washington Post действия России часто репрезентируются как нарушающие сами правила этой «игры», что отражено в метафоре опрокинутой шахматной доски: «Putin hasn't made a bold chess move; he has overturned the chessboard. He cannot be sure where the pieces will land» («Путин не сделал смелый шахматный ход, он перевернул шахматную доску. Он не может быть уверен в том, куда упадут фигуры») [14]. Таким образом, Россия представляется не просто как противник в сложной интеллектуальной игре, но как игрок, отвергающий сами основы цивилизованного противостояния. В этом смысле сама метафора «шахматной игры», при всей ее интеллектуальной респектабельности, работает на воспроизводство той же логики конфронтации и взаимного сдерживания, что и откровенно милитаристские образы России.

Итак, подводя итог, следует отметить, что метафорическая репрезентация России в дискурсе ведущего американского СМИ обнаруживает ряд устойчивых паттернов, сохраняющих свое доминирующее положение на протяжении последних двух с половиной десятилетий. В ядре метафорической картины находится комплекс моделей, формирующих жестко негативный образ РФ как авторитарной империи, агрессивной военной державы, чуждой западным ценностям страны. Циркулируя в символическом пространстве, данные метафоры не только отражают, но и активно формируют восприятие России американским политическим классом и обществом, исподволь подталкивая их к выбору конфронтационных стратегий во взаимодействии с Москвой. Вместе с тем, наше исследование позволило выявить и определенную динамику ме-

тафорического образа России, его вариативность в зависимости от внешнего социально-политического контекста. Для большей наглядности и удобства анализа мы разделили весь рассматриваемый период на несколько этапов, отражающих смену внешнеполитических парадигм в отношениях России и США.

1) На первом этапе (2000-2008 гг.), связанном с президентством Дж. Буша-мл. и В.В. Путина, в дискурсе *The Washington Post* преобладают умеренно-негативные модели репрезентации России, акцентирующие ее непохожесть на западные демократии, склонность к авторитарным методам управления, имперские амбиции на постсоветском пространстве. В то же время некоторые авторы допускают возможность ограниченного партнерства с РФ по отдельным вопросам (контртерроризм, нераспространение ОМУ, энергодиалог). Наиболее частотные метафоры этого периода – «troubled (or managed) democracy», «energy superpower», «assertive (or resurgent) Russia».

2) Ситуация начинает меняться на втором этапе (2009-2012 гг.), совпавшим с приходом к власти администрации Б. Обамы и концепцией «перезагрузки» российско-американских отношений. В этот период происходит некоторая диверсификация палитры метафорических моделей, используемых в *The Washington Post*. Наряду с негативно-оценочными метафорами появляются и более нейтральные модели партнерства, диалога, совместного лидерства в решении региональных и глобальных проблем. Часто встречаются такие метафоры как *reset* (перезагрузка), *partnership* (партнерство), *cooperation* (сотрудничество), *responsible stakeholder* (ответственная заинтересованная сторона). В то же время полностью алармистская риторика не исчезает, особенно в контексте российско-грузинского конфликта 2008 г., где используются выражения *Russian invasion* (российское вторжение), *Kremlin's aggression* (агрессия Кремля), *Putin's war* (война Путина).

3) Поворотным моментом, спровоцировавшим стремительное ухудшение метафорического образа России, стал украинский кризис 2014 года и последовавшее за ним резкое обострение отношений между РФ и Западом. С этого времени (третий этап, 2013-2019 гг.) происходит стремительное нарастание частотности и эмоционального накала негативно-оценочных моделей: Россия все чаще и настойчивее именуется в терминах «империи», «агрессора», «ревизионистской державы», в то время как альтернативные модели диалога и партнерства вытесняются на глубокую периферию дискурса.

Наиболее употребительные метафоры данного этапа:

- применительно к присоединению Крыма – «*annexation*», «*Anschluss*», «*land grab*», «*Putin's Sudetenland*»;
- применительно к конфликту на Донбассе – «*Russian invasion*», «*Kremlin-manufactured war*», «*Putin's guerrilla campaign*»;
- применительно к российской внешней политике в целом – «*imperial overreach*», «*great power aggression*», «*revanchist behavior*», «*expansionist drive*».

4) Апофеозом милитаризации и алармизма в репрезентации России стал четвертый этап, начавшийся в 2022 году в связи с проведением Россией специальной военной операции (СВО) на Украине. В этот период негативно-оценочные метафоры достигают беспрецедентного уровня эскалации: Россия окончательно и бесповоротно позиционируется как «варварская», «фашистская», «тоталитарная» страна, несущая экзистенциальную угрозу свободному миру. Доминирующие метафоры этого этапа:

- применительно к СВО – «*Putin's war of aggression*», «*unprovoked and unjustified invasion*», «*full-scale military offensive*», «*barbarian assault*», «*Kremlin's Blitzkrieg*»;
- применительно к России в целом – «*rogue state*», «*world's pariah*», «*global menace*», «*antagonist of the free world*».

Показательно, что непосредственно после начала СВО ведущие колумнисты *The Washington Post* по сути исключили из своего дискурса все модели, связанные с партнерством, диалогом, учетом законных интересов России. Москва теперь представляется исключительно через призму метафор тотального противостояния, сдерживания, нанесения стратегического поражения. Метафорическая репрезентация конфликта на Украине приобретает ярко выраженные алармистские и даже эсхатологические коннотации - как решающей схватки Добра со Злом, Света с Тьмой, от исхода которой зависит если не судьба всего человечества, то, по крайней мере, будущее «либерального мирового порядка». В такой ситуации становится практически невозможным рациональное осмысление российских мотивов и целей, а любые призывы к сдержанности, переговорам, компромиссам воспринимаются не иначе как «умиротворение агрессора».

Статистический анализ динамики метафорических моделей по периодам позволяет увидеть постепенное, но неуклонное нарастание конфронтационности в репрезентации образа России. Если на первом этапе (2000-2008 гг.) совокупная доля негативно-оценочных моделей («империя», «авторитаризм», «угроза») составляла порядка 30% от всего корпуса релевантных метафор, то к четвертому этапу (с 2022 г.) она возросла до 80%, фактически вытеснив все альтернативные модели на глубокую периферию дискурса (таблица 1). Столь резкий сдвиг в сторону милитаризации и демонизации образа России со всей очевидностью свиде-

тельствует о нарастающем доминировании в американском медиадискурсе логики холодной войны и тотальной конфронтации – логики, во многом инспирированной самим процессом метафорического конструирования российской угрозы.

Таблица 1

Распределение метафорических моделей репрезентации России по периодам.

Table 1

Distribution of metaphorical models of representation of Russia by periods.

Метафорические модели	2000-2008	2009-2012	2013-2021	С 2022
Империя/экспансионизм	15%	18%	32%	45%
Авторитаризм/деспотизм	10%	14%	20%	25%
Угроза/агрессия	5%	8%	18%	30%
Партнер/союзник	25%	30%	12%	2%
Соперник/конкурент	30%	20%	10%	3%
Другие модели	15%	10%	8%	5%

С другой стороны, было бы неверным утверждать, что метафорическая репрезентация России в американских СМИ носит исключительно негативный и демонизирующий характер. Как показывает наше исследование, даже в рамках преимущественно алармистского дискурса The Washington Post сохраняются отдельные «островки» более нейтрального или амбивалентного восприятия России. Скажем, на протяжении всех рассматриваемых этапов продолжает использоваться метафорическая модель «шахматного игрока», которая, помимо отрицательных коннотаций, акцентирует также внимание на положительных (с точки зрения американского прагматизма) качествах – стратегический ум, дальновидность и расчетливость российского руководства. Однако удельный вес подобных моделей неуклонно снижается по мере эскалации геополитической напряженности и их влияние на общую тональность дискурса остается крайне незначительным.

Другим важным результатом нашего анализа стало выявление корреляции между частотностью алармистских метафор в адрес России и «температурой» реальных российско-американских отношений. Было установлено, что периоды наибольшей эскалации милитаристской риторики (2008, 2014, 2022 гг.) непосредственно предшествовали или совпадали по времени с острыми кризисами в двусторонних отношениях – будь то российско-грузинский конфликт, противостояние вокруг Украины или СВО. При этом сами метафоры выступают не просто как «термометр», фиксирующий ухудшение международного климата, но и как активный фактор, усугубляющий и легитимирующий это ухудшение. Образы России как агрессивной, ревизионистской державы, несущей экзистенциальную угрозу Западу в колонках The Washington Post и других влиятельных американских медиа, способствуют формированию в сознании политического класса и широкой общественности атмосферы страха, враждебности, непримиримости в отношении Москвы. В результате сужается пространство для диалога, компромиссов, учета интересов другой стороны, возникает порочный круг взаимных обвинений и контробвинений. Политика начинает строиться по принципу «око за око», когда любой недружественный шаг одного из участников автоматически влечет за собой симметричную реакцию оппонента.

Разумеется, было бы неверно сводить всю сложность и многоаспектность российско-американских отношений исключительно к фактору метафорической репрезентации России в СМИ США. Было бы наивным полагать, что строгий мораторий на алармистские метафоры в адрес России способен в одночасье разрешить фундаментальные геополитические противоречия между двумя странами или устранить все многочисленные раздражители в двусторонних отношениях. Очевидно, что существуют реальные, объективно обусловленные расхождения между РФ и США по целому ряду ключевых проблем мировой политики - и эти расхождения невозможно снять одним лишь отказом от воинственной риторики или сменой метафорического фрейминга. Вместе с тем, как показывает наше исследование, доминирование негативно-оценочных моделей репрезентации России в американском медиадискурсе вносит весомый вклад в воспроизводство логики конфронтации, блокируя саму возможность альтернативного восприятия российской политики и мотивации. Выработка нового языка коммуникации, свободного от воинственно-алармистских – неперемное условие стабилизации отношений между Россией и США.

Выводы

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что метафорическая репрезентация России в медиадискурсе США представляет собой не просто вспомогательный инструмент описания международно-политических реалий, но активный механизм конструирования этих реалий, определяющий базовые параметры восприятия России американским политическим классом и обществом. Выявленное в ходе настоящего исследования до-

минирование негативно-оценочных милитаристских и морбиальных моделей метафоризации свидетельствует о глубинной враждебности и непримиримости в отношении РФ, характерной для современного американского истеблишмента. Последовательно создавая образ России как экзистенциальной угрозы Западу, враждебной и агрессивной державы, несущей миру хаос и разрушение, ведущие СМИ США, способствуют легитимации логики новой холодной войны. Безусловно, преодоление негативных стереотипов и клише в репрезентации России, равно как и формирование альтернативных, более сбалансированных нарративов – это сложный, длительный и болезненный процесс, затрагивающий фундаментальные мировоззренческие установки и глубоко укорененные идеологические конструкты. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, даже самые устойчивые и, казалось бы, незыблемые образы врага поддаются коррекции и трансформации – при наличии доброй воли и встречных усилий обеих сторон. Отказ от воспроизводства воинственно-алармистских метафор в адрес друг друга, фокусировка на позитивной повестке и точках соприкосновения интересов могли бы стать первыми необходимыми шагами на этом длинном и тернистом пути. По меткому выражению Дж. Лакоффа, «метафоры, которыми мы живем, определяют наше будущее» [5] – и в наших силах наполнить эти метафоры позитивным, жизнеутверждающим содержанием.

Список источников

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 30 – 32.
2. Банина Е.Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9. Киров: КГУ, 2001.
3. Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 73 – 94
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. Г.К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387 – 422.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 252 с.
6. Максимова А.Б. Речетворческий потенциал метафоры как многофункционального феномена мышления и языка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. № 142. С. 165 – 171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechetvorcheskiy-potentsial-metafory-kak-mnogofunktsionalnogo-fenomena-myshleniya-i-yazyka> (дата обращения: 12.01.2025).
7. Никонова Е.А. Жанр “opinion”: жанрообразующие параметры // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 2. С. 120 – 127.
8. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / пер. с фран. А.М. Сухотина, под ред. Р.И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Цыбина Ю.Ю. Лингвистическая сущность метафорических моделей в педагогическом дискурсе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-suschnost-metaforicheskikh-modeley-v-pedagogicheskom-diskurse> (дата обращения: 12.01.2025).
10. Charles Fenyvesi. Stalin's Ghost Still Haunts the World // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1979/12/16/stalins-ghost-still-haunts-the-world/14d54dad-4b8c-4bbf-bcbb-51b7993539db/> (дата обращения: 12.01.2025).
11. Charles Lane. Is Vladimir Putin truly a modern-day Hitler? // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/charles-lane-is-vladimir-putin-truly-a-modern-day-hitler/2014/03/05/1666bd12-a47a-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (дата обращения: 12.02.2025).
12. David Ignatius. Russia's scavenger diplomacy is in full effect in the Middle East // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/america-on-the-wane-russias-scavenger-diplomacy-is-succeeding-in-the-middle-east/2020/05/07/a4bbec6c-9097-11ea-9e23-6914ee410a5f_story.html (дата обращения: 12.01.2025).
13. David Ignatius. Putin as chess master: Strong opening but weak endgame in Ukraine // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/15/putin-biden-diplomatic-solution-ukraine/> (дата обращения: 12.01.2025).
14. Eugene Robinson. Putin's attack on Ukraine is about more than his own delusions of grandeur // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/24/putin-attack-ukraine-restore-russian-empire/> (дата обращения: 12.01.2025).

15. George F. Will. As Putin's military barbarism continues, U.S. credibility is at stake // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (дата обращения: 12.01.2025).
16. George F. Will. Can NATO restrain Russia? // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/george-f-will-can-nato-restrain-russia/2014/03/26/bccc793e-b448-11e3-8cb6-284052554d74_story.html (дата обращения: 12.01.2025).
17. Lee Hockstader. Europe bickers while the Russian threat grows // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/03/11/russia-threatens-europe-infighting/> (дата обращения: 12.01.2025).
18. Max Boot. Ukraine urgently needs Russia's frozen funds. Yet the West still balks // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/22/frozen-russian-funds-for-ukraine/> (дата обращения: 12.01.2025).
19. Max Boot. Putin is Sovietizing Russia. It is becoming the country my family fled in 1976 // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/14/putin-taking-russia-back-to-soviet-union/> (дата обращения: 12.01.2025).
20. Mikheil Saakashvili. Answering Russian Aggression // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (дата обращения: 12.01.2025).
21. Michael Sharnoff. Why Russia will prevail in Syria // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/made-by-history/wp/2018/02/27/why-russia-will-prevail-in-syria/> (дата обращения: 12.01.2025).
22. Richard Cohen. A Putin affiliate evokes Hitler. The West should be worried // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/richard-cohen-a-putin-affiliate-evokes-hitler-the-west-should-be-worried/2014/04/21/ddbd3794-c980-11e3-95f7-7ecdde72d2ea_story.html (дата обращения: 12.01.2025).
23. Ishaan Tharoor. MAP: Russia's expanding empire in Ukraine and elsewhere // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/09/05/map-russias-expanding-empire-in-ukraine-and-elsewhere/> (дата обращения: 12.01.2025).
24. Is Vladimir Putin acting like Hitler? // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/is-vladimir-putin-acting-like-hitler/2014/03/09/cc6f9d14-a62c-11e3-b865-38b254d92063_story.html (дата обращения: 12.01.2025).

References

1. Anderson B. Imagined Communities. Moscow: Canon-Press-C, Kuchkovo Pole, 2001. Pp. 30–32.
2. Banina E.N. Evaluative Component of Meaning in the Semantics of Metaphor: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.9. Kirov: KSU, 2001.
3. Baranov A.N. Metaphors in Political Discourse: Linguistic Markers of the Crisis of the Political Situation Issues of Linguistics. 2001. No. 2. P. 73 – 94
4. Bart R. Introduction to the Structural Analysis of Narrative Texts. Trans. G.K. Kosikov. Foreign Esthetics and Theory of Literature of the XIX-XX Centuries: treatises, articles, essays. M.: Moscow State University, 1987. P. 387 – 422.
5. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. Trans. from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova; edited and with a preface by A.N. Baranov. M.: URSS, 2004. 252 p.
6. Maksimova A.B. Speech-creating potential of metaphor as a multifunctional phenomenon of thinking and language. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2011. No. 142. P. 165 – 171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechetvorcheskiy-potentsial-metafor-yak-mnogofunktsionalnogo-fenomena-myshleniya-i-yazyka> (date of access: 12.01.2025).
7. Nikonova E.A. Genre "opinion": genre-forming parameters. Humanitarian Sciences Success. 2022. No. 2. P. 120 – 127.
8. Saussure Ferdinand de. Course of general linguistics. Trans. from French. A.M. Sukhotin, edited by R.I. Shor. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
9. Tsybina Yu.Yu. Linguistic essence of metaphorical models in pedagogical discourse. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2012. No. 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-suschnost-metaforicheskikh-modeley-v-pedagogicheskoy-diskurse> (date of access: 12.01.2025).

10. Charles Fenyvesi. Stalin's Ghost Still Haunts the World. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1979/12/16/stalins-ghost-still-haunts-the-world/14d54dad-4b8c-4bbf-bcbb-51b7993539db/> (date of access: 12.01.2025).
11. Charles Lane. Is Vladimir Putin truly a modern-day Hitler? The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/charles-lane-is-vladimir-putin-truly-a-modern-day-hitler/2014/03/05/1666bd12-a47a-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (date of access: 12.01.2025).
12. David Ignatius. Russia's scavenger diplomacy is in full effect in the Middle East. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/america-on-the-wane-russias-scavenger-diplomacy-is-succeeding-in-the-middle-east/2020/05/07/a4bbec6c-9097-11ea-9e23-6914ee410a5f_story.html (date of access: 12.01.2025).
13. David Ignatius. Putin as chess master: Strong opening but weak endgame in Ukraine. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/15/putin-biden-diplomatic-solution-ukraine/> (date of access: 12.01.2025).
14. Eugene Robinson. Putin's attack on Ukraine is about more than his own delusions of grandeur. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/24/putin-attack-ukraine-restore-russian-empire/> (date of access: 12.01.2025).
15. George F. Will. As Putin's military barbarism continues, U.S. credibility is at stake. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (date of access: 12.01.2025).
16. George F. Will. Can NATO restrain Russia? The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/george-f-will-can-nato-restrain-russia/2014/03/26/bccc793e-b448-11e3-8cb6-284052554d74_story.html (date of access: 12.01.2025).
17. Lee Hockstader. Europe kickers while the Russian threat grows. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/03/11/russia-threatens-europe-infighting/> (date of access: 12.01.2025).
18. Max Boot. Ukraine urgently needs Russia's frozen funds. Yet the West still balks. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/22/frozen-russian-funds-for-ukraine/> (date of access: 12.01.2025).
19. Max Boot. Putin is Sovietizing Russia. It is becoming the country my family fled in 1976. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/14/putin-taking-russia-back-to-soviet-union/> (date of access: 12.01.2025).
20. Mikheil Saakashvili. Answering Russian Aggression. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (date of access: 12.01.2025).
21. Michael Sharnoff. Why Russia will prevail in Syria. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/made-by-history/wp/2018/02/27/why-russia-will-prevail-in-syria/> (date of access: 12.01.2025).
22. Richard Cohen. A Putin affiliate evokes Hitler. The West should be worried. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/richard-cohen-a-putin-affiliate-evokes-hitler-the-west-should-be-worried/2014/04/21/ddbd3794-c980-11e3-95f7-7ecdde72d2ea_story.html (date of access: 12.01.2025).
23. Ishaan Tharoor. MAP: Russia's expanding empire in Ukraine and elsewhere. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/09/05/map-russias-expanding-empire-in-ukraine-and-elsewhere/> (date of access: 12.01.2025).
24. Is Vladimir Putin acting like Hitler? The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/is-vladimir-putin-acting-like-hitler/2014/03/09/cc6f9d14-a62c-11e3-b865-38b254d92063_story.html (date of access: 12.01.2025).

Информация об авторах

Чебыкина Е.С., АНО "Агентство Креативных Индустрий", chebykina.yekaterina@gmail.com

© Чебыкина Е.С., 2025